

изученного М. Бахтиным. Амбивалентность — социально-исторически обусловленное качество духовной жизни определенной эпохи.

Три десятилетия назад известный голландский ученый И. Хейзинга выдвинул концепцию происхождения культуры во всех ее проявлениях из игры. Игра — лишенное корыстных целей состязание, подчиняющееся добровольным ограничениям и правилам, — породила, по его убеждению, поэзию, музыку, философию, искусство, право, этикет и иные формы культуры, лишь постепенно утратившие свой изначальный игровой характер. Человек — творец культуры — это *homo ludens*, «человек играющий». Точка зрения оригинальная, интересно и по-новому освещающая ряд явлений в истории мировой культуры, но не объясняющая ее возникновение и развития. Читая книгу М. Бахтина, невольно возвращаешься мыслью к этой книге Хейзинги. Между ними существует некая «переключка» (см. в особенности рассуждения об игре на стр. 251—259 и 280). Но на сей раз перед нами *homo ridens*, «смеющийся человек». Его карнавальный, праздни-

ный смех пронизывает всю средневековую народную культуру, из него же родится и культура гуманизма эпохи Возрождения. Точка зрения, безусловно, плодотворная и очень много объясняющая нам в истории культуры средних веков; она обнажает народные истоки Ренессанса. При этом только не следует забывать, что автор сознательно выделил один определенный аспект реальности, в действительности более многосторонней и сложной. Этим ни в коей мере не умаляется значение исследования М. Бахтина. Выдвижение новой концепции в науке сплошь и рядом сопровождается акцентированием одной стороны проблемы. Лишь со временем, в результате последующих исследований, она будет органически включена в более широкое целое. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать: попытки по-прежнему смотреть на средневековье как на мрачную эпоху, для изображения которой предостаточно одной черной краски, как на время безграничного засилья фанатизма и церковной догматики, — более невозможны.

А. ГУРЕВИЧ

ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СУДЬБЕ*

Когда в 1903 году посмертно был издан роман Сэмюэля Батлера «Путь всякой плоти», имя его автора было известно немногим. Правда, при жизни он опубликовал шестнадцать книг самого различного характера, однако ничего, кроме убытков и разочарования, они не принесли их создателю.

* Lee Holt, Samuel Butler, Twaine Publishers, N. Y. 1964, 130 p.

Но появление романа изменило литературную судьбу писателя. Английский исследователь В. Притчет назвал роман Батлера «бомбой замедленного действия», очистившей «духовные трущобы» викторианской Англии и взорвавшей «викторианскую семью, а с нею и все великое, украшенное столбами и балюстрадами сооружение викторианского романа». «Путь всякой плоти» был переведен почти на все европейские

языки. В предисловии к русскому изданию писатель по широте интересов и стилю сравнивался со Стендалем и указывалось, что он «еще во второй половине XIX века проделал ту идейную эволюцию, которую английская буржуазная интеллигенция, да и то лишь самая передовая, заканчивает на наших глазах»¹.

За рубежом о Батлере написаны сотни статей и десятки монографий. Высокую оценку его творчество получило в марксистской критике Англии — у Р. Фокса, А. Кеттла, Д. Линдсея. Свой вклад в изучение наследия писателя внесли и советские исследователи — Б. Реизов, А. Аникст, Р. Орлова и др.

История посмертной славы Батлера объясняется не только сильными, но и слабыми сторонами его творчества, дающими повод самым различным, подчас прямо противоположным толкованиям. Так, некоторые исследователи пытаются трактовать лучшее произведение Батлера — роман «Путь всякой плоти», — главным образом исходя из реакционных философских взглядов писателя, замалчивая реалистические и обличительные тенденции романа.

Естественно, что борьба, развернувшаяся вокруг литературного наследия Батлера, повышает интерес к каждому новому исследованию, посвященному жизни и творчеству писателя. Так, безусловно заслуживает внимания вышедшая в США монография Ли Холта. Написанная в духе позитивистской, историко-биографической традиции либерального буржуазного литературоведения, эта работа вместе с тем отдает дань и некоторым модернистским тенденциям.

В книге собран обширный фактический материал о жизни и деятельности писателя, позволяющий представить себе в полной мере широту его интересов, эрудицию и трудолюбие. Кроме характеристики основных работ Батлера в области философии, теологии, искусства, истории, литературы, о которых уже неоднократно писали исследователи, автор обращается и к неизученным или малоизвестным работам писателя. Приведенные в книге факты свидетельствуют: чем бы Батлер ни занимался, он всегда стремился выйти за рамки дилетантизма, в котором его нередко обвиняли.

В аннотации к монографии сказано, что автор около тридцати лет занимался исследованием творчества Батлера. Срок немалый, дающий право ожидать и глубокого анализа, и обобщений принципиального характера. Однако именно в этом аспекте работа оказывается наиболее уязвимой. Сама концепция творчества писателя несколько противоречива и вызывает ряд возражений. Резонно полемизируя с теми, кто пытается представить Батлера чуть ли не модернистом и перетянуть его в XX век, автор выдвигает тезис о связи писателя с его эпохой. Но дважды повторенный в работе, этот тезис остается ничем не подтвержденной декларацией. Например, разрыв Батлера с церковью и религией Л. Холт объясняет чтением религиозных книг и обнаруженными в них противоречиями, главным образом поразившим наивного юношу открытием, что в поведении и характере крещеных и некрещеных парней в вечерней школе прихода, где он работал, нет никакой разницы. В этом заявлении нет ничего нового, Л. Холт лишь повторил то, что сорок пять лет назад уже сказал друг и биограф пи-

¹ С. Б а т л е р, Жизненный путь, ГИХЛ, Л. 1938, стр. 12.

сателя Г.-Ф. Джонс и что потом перекочевывало в первоизданном виде из одного исследования о Батлере в другое.

Между тем жизненный и творческий путь писателя, его колебания от слепой и непререкаемой веры к неверию, а затем традиционный английский компромисс в духе «просвещенного и доброго консерватизма» с рецидивом былого свободомыслия в «Едгине, вновь посещенном», — все это отражало глубокие сдвиги в общественном сознании того времени, происшедшие под непосредственным воздействием обострения социально-политической борьбы и роста естественнонаучных знаний.

Именно на основе внеисторического подхода к творчеству Батлера, столь характерного для буржуазного литературоведения, возник миф об «изолированности» и «трагическом одиночестве» писателя, об «оригинальности» его идей и необычности его судьбы. В действительности проблемы, поднятые в романе и утопиях Батлера, его насквозь эклектичные философские взгляды были преломлением тех умонастроений, которыми жила английская буржуазная интеллигенция тех лет, были «фактами идеологической борьбы эпохи»¹. Достаточно обратиться к трактатам Д. Милля, Г. Спенсера, Д. Морли, к романам Кингсли, Д. Элиот, Мередита и Гарди, чтобы убедиться, насколько тесно был Батлер связан с интеллектуальной жизнью эпохи. Другой вопрос, что вокруг писателя при жизни был искусственно создан своеобразный «заговор молчания». Но если вспомнить, с каким трудом расходились книги Мередита, а Томас Гарди подвергался открытой травле, то станет очевидным, что

¹ «История английской литературы», т. III, Изд. АН СССР, М. 1958, стр. 160.

Батлер только разделил участь тех писателей, чьи книги подрывали уютной викторианской идеологии и чье творчество тщетно пыталась замолчать или обезвредить официальная печать.

Глубоко симптоматичен в этом отношении анализ романа «Путь всякой плоти», данный Л. Холтом. Известно, что лучшие, наиболее патетически-взволнованные страницы книги посвящены разоблачениям «святая святых» викторианской Англии — семьи и церкви. Именно здесь сатира писателя, по справедливому замечанию А. Кеттла, достигает силы и язвительности Вольтера. Но Л. Холт приводит без всяких попыток уточнения или опровержения доводы некоторых конформистски настроенных критиков¹, усматривающих в романе лишь месть писателя человечеству за нанесенные в детстве обиды и отрицающих обобщающую силу и разрушительное действие его лучшего творения.

Вслед за критиками-модернистами Л. Холт особенно подчеркивает «психологический» аспект романа и представляет писателя ближайшим предшественником Фрейда. Из всего богатого арсенала художественных средств, используемых в этом романе Батлером, Л. Холт в первую очередь отмечает то, что принято называть техникой «потока сознания» и в чем также пытаются усмотреть связь между модернистами и Батлером. Однако эти элементы «потока сознания» в романе являются не чем иным, как внутренним монологом героев, вполне укладывающимся в рамки реалистического метода и весьма далеким от той разорванности сознания, которая свойственна,

¹ Он ссылается на миссис Гарнетт, но эту же точку зрения разделяют Р. Черчилль, Т. Рассел и некоторые другие исследователи.

например, романам Джойса. В изображении Батлера бредовые мечты героини романа Кристины воспринимаются как следствие ее неосознанной неудовлетворенности жизнью, как реакция на нелепое воспитание и лицемерие семейного и общественного уклада,— все это усиливает общую обличительную направленность романа. Но именно это оказывается вне сферы внимания Л. Холта.

Более того, дух критицизма, которым пронизан роман и который, по собственному выражению исследователя, «побуждал к переоценке ценностей и озонировал идеологический климат» эпохи, трактуется автором сугубо формалистически. Оказывается, Батлер «не столько интересовался тем, на что нападал, сколько методом нападков и своим правом на это». Ну что ж, этот, несколько неожиданный после приведенного выше высказывания вывод не поражает новизной. Он вызывает в памяти миф об уязвленной с детства душе писателя и о бунте как средстве самоутверждения. С чем-то подобным мы уже встречались у критиков, умиленно называвших писателя *l'enfant terrible et gamin* и пытавшихся свести все его творчество к этакому безобидному озорству. Элементы озорства в творчестве Батлера отрицать нельзя,— это и его постоянное стремление любой ценой опрокидывать догмы и авторитеты, и его приверженность к парадоксам. Здесь он близок Шоу и в какой-то степени Уайлду. Но еще Горький много лет назад видел в «отчаянном озорстве» этих писателей «законное оружие борьбы против пуританизма»¹.

Видеть в творчестве Батлера

лишь трюкачество и нигилизм — значит не просто заблуждаться, но действовать в духе вполне определенной и уже скомпрометировавшей себя тенденции. Эта тенденция приводит и к полному отрицанию демократизма Батлера, в котором Л. Холт видит не столько «любовь к слабым», сколько все то же стремление к «переоценке ценностей». А ведь именно в романе «Путь всякой плоти» отчетливее всего выражено то явное предпочтение, которое писатель отдает людям из народа перед средними и высшими слоями общества — простоте и естественности их чувств и взаимоотношений, их человечности и нравственному здоровью. Не случайно герой романа, спасая своих детей от губительного влияния среды, отдает их на воспитание в семью скромных тружеников. Но нужно отдать справедливость Л. Холту. Отказывая Батлеру даже в том весьма умеренном демократизме, на который он вне всякого сомнения имел право, автор исследования отвергает и попытки некоторых критиков рассматривать нападки писателя на буржуазную мораль «снизу» как одно из доказательств связи писателя с Д. Лоуренсом. Сам факт этой полемики свидетельствует о попытках исследователя выйти за рамки объективистской, формалистической методологии.

На это же указывает и решение Л. Холтом кардинального вопроса творчества Батлера, как и творчества любого писателя,— об отношении искусства к действительности. Здесь исследователь, вопреки некоторым своим утверждениям и выводам, проводит мысль о реализме писателя, о понимании им огромной воспитательной и познавательной роли литературы, о простоте и естественности его стиля, противостоящего

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, Гослитиздат, М. 1955, стр. 399.

стремлению к изощренности и причудливости некоторых его современников. Автор приводит доказательства того, что эстетическая программа писателя была враждебна декадентам, что он был врагом тезиса «искусства для искусства» и требовал от художника учиться у природы и быть целеустремленным в поисках истины.

Как ни противоречив творческий облик Батлера, это не может служить оправданием непоследователь-

ности ученых, изучающих его творчество, в том числе и Л. Холта. Но главным выводом своей работы — о реалистическом характере наследия Батлера — Л. Холт вносит свою лепту в борьбу передовой критики за правдивое освещение литературной судьбы этого талантливого и правдивого художника.

И. ВЛОДАВСКАЯ

г. Донецк

КОРОТКО О КНИГАХ

ПОЭТ И ВРЕМЯ*

Книга Д. Бугаева «Владимир Дубовка» посвящена творчеству старейшего нашего писателя, одного из родоначальников белорусской советской литературы. Автору предстояло исследовать творчество поэта трудной судьбы, который в результате злого навета был на целых тридцать лет отстранен от литературы. Вокруг имени В. Дубовки была возведена мощная ограда из всяческих «разоблачений», а сила критической инерции и по сию пору такова, что литературоведу пришлось, привлекая многочисленный архивный, эпистолярный и вообще широкий документальный материал, снова и снова белому возвращать цвет белого. Насыщенность фактами придает известную тяжеловесность отдельным страницам работы, — в данном случае беда, по-видимому, неизбежная.

Нынешний всесоюзный читатель, к сожалению, мало знает В. Ду-

бовку — поэта-новатора, одним из первых прокладывавшего новые пути белорусской пролетарской поэзии. По-настоящему оценить роль этого поэта в литературном процессе 20-х годов можно было, лишь учитывая своеобразие традиций белорусской литературы, которая сильна была в «крестьянско-бытовой» стилистической разновидности (точно так же, как и литературный язык представлен был одним монолитным традиционным пластом). В сложной борьбе и в очень сжатые сроки литература обогащалась, в языке развивались все современные функциональные стили, способные выразить многогранную современность с ее многочисленными сферами, проблематику интенсивного и противоречивого XX века.

И исследователь (именно исследователь, потому что истину о творчестве В. Дубовки приходилось добывать как бы заново) смог убедительно показать новаторские задачи, вставшие сразу же после Октября перед литературным поколением, ко-

* Д. Бугаев, Владимир Дубовка. Критико-биографический очерк, «Беларусь», Минск, 1965. 181 стр. (на белорусском языке).